

Ю. А. ДЗИЦОЙТЫ

ДВА ЭТЮДА ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

1. Инициальная *k'* в осетинском

Будучи одним из иранских языков, осетинский язык окончательно сформировался на Кавказе. Под влиянием различных кавказских языков в фонологической системе осетинского языка появились смычно-гортанные (абруптивные) фонемы *k'*, *p'*, *t'*, *c'*, *č'*. Вначале эти фонемы встречались только в составе заимствованной лексики, но со временем распространились и на оригинальную (иранскую) лексику осетинского языка. Особенно прочное место абруптивы заняли в экспрессивной лексике [АБАЕВ 1949: 522-524].

В исконно осетинской лексике, не имеющей экспрессивного значения, абруптивная *k'* появилась на месте древнеиранской **k* в следующих позициях: 1) древнеиранская **k*, перешедшая в аланском языке в **g*, sporadически может развиваться в *k'*, ср. осет. *sigit//sik'it* «земля» из др.-иран. **sikita-* [АБАЕВ ИЭС, III: 187] и т.п.; 2) древнеиранская **k* в позиции после *s* обычно отражается в виде *sk'* [МИЛЛЕР ОЭ, II: 71; МИЛЛЕР 1962: 52; АБАЕВ 1949: 524; ВЕЛМЕЙЕР 1977: 35-36; ЭДЕЛЬМАН 1986: 137; THORDARSON 1989: 462]. Такое же развитие находим в группе др.-иран. **s* + любая другая смычная.

В. И. Абаев был первым, кто указал на возможность утраты сибиланта, находящегося в инициальной позиции в группе **s* + смычная, на осетинской почве. Таким образом, древнеиранская **sk-* может дать рефлекс в виде *k'*- (через промежуточный этап **sk'-*), др.-иран. **st-* может дать *t'*- (как, например, в слове *t'ifsun* [АБАЕВ ИЭС, III: 356]), а др.-иран. **sč-* может дать *c'*- [BAILEY 1979: 57]. Нас в данном случае интересует развитие др.-иран. **sk-* в осет. *k'*-, описанное у В.И. Абаева всего на одном примере: осетинские слова *č'il//k'elæ* «обод, край», «задняя часть ноги» и *sč'il//sk'elæ* «складка, пятка», по мнению В.И. Абаева, этимологически связаны между собой и восходят к общему архетипу **skairya-* [АБАЕВ ИЭС, I: 632-633; ИЭС, III: 124-125]. Еще один пример, иллюстрирующий

интересующее нас развитие, относится к заимствованной лексике: осет. *k'abaz* «конечность; ветвь, ответвление» сопоставлено с греческим *skápos*, латинским *scopa* «небольшая ветка» [BAILEY 1980: 242]. Таким образом, в руководстве по исторической фонетике осетинского языка следовало бы внести оговорку о том, что древнеиранская инициальная группа *s + смычная на осетинской почве обычно отражается в виде s + абруптив, но в ряде случаев сибилант утрачивается. Между тем, ни в одной из работ по исторической фонетике осетинского языка не отражена возможность развития др.-иран. *s + смычная в осет. абруптивную. Более того, О.Г. Тедеева высказала сомнения относительно этимологии В.И. Абаева для слова *č'il//k'elæ* и предложила альтернативную этимологию на картвельской почве [ТЕДЕЕВА 1983: 194-196], что фактически лишает иллюстративной базы рассматриваемую фонетическую эволюцию. Однако, как это видно из приводимых ниже этимологии, в осетинском начальная *k'*- действительно может восходить к древнеиранской группе *sk-.

Осетинское *k'wymbil* «шерсть очищенная» (противопоставляется неочищенной, которая называется *qwun*), не получило удовлетворительной этимологии [АБАЕВ ИЭС, I: 649]. В этом слове элемент *-il*, на наш взгляд, представляет собой ныне непродуктивный уменьшительный суффикс, о котором см. у Абаева В. И. в ИТ, II: 364-365; Bielmeier 1977: 47. Оставшуюся часть (*kwymb-*) следует связать с восточноиранской глагольной базой *skumb- [из и.-е. *skeub(h)-*], отраженной, с наращением приставки *ava- или *vi-, в шугнанском *wixkamb-*, рушанском *xikamb-*, хуфском *xikat-*, язгулямском *x'am(b)-*, ишкашимском *uškymb-* «разбирать шерсть руками, теревить», «взбивать шерсть лучком» [ЭДЕЛЬМАН 1987: 265, 278; ЭДЕЛЬМАН 1990: 96, 100]. И с фонетической, и с семантической точки зрения осетинское слово полностью примыкает к перечисленной группе слов. Из относящихся сюда индоевропейских соответствий по значению ближе всего славянские факты: русск. *скубу́*, *скубить* «драть (за волосы); ошипывать (птицу)», болг. *скубя* «деру, рву», «ошипываю» и пр. (праслав. *skubq, *sku(b)ti) [ФАСМЕР, III: 660; ЭДЕЛЬМАН 1990: 96, 100].

Осетинский глагол *č'ep̄p* (*kǣnyn*) «отрезать, отсека́ть, отрубать; резать» (старая форма – *k'ep̄p) не получил удовлетворительной этимологии: В. И. Абаев считает его словом звукоподражательного происхождения [АБАЕВ 1949: 523], а О. Г. Тедеева пытается связать с грузинским *k'er'-va* «отрезать, вырубать» [ТЕДЕЕВА 1983: 189]. Поскольку, однако, грузинское слово само могло быть усвоено из осетинского, нам представляется возможным связать староосетинское *k'ep̄p с древнеиранским *skaip- (и.-е. *skeip-*: *skep-*), к которому восходят ваханское <č̄ыр-

«срывать, рвать», ишкашимское *kuf-* «трескаться» [ПАХАЛИНА 1983: 67]¹. Удвоение конечного *p* в осетинском слове носит экспрессивный характер.

Наконец, еще одно подтверждение рассматриваемой фонетической эволюции мы видим в топониме *K'wydar* «Южная Осетия», в котором компонент *-ar* – это хорошо известный на осетинской почве непродуктивный суффикс². Оставшаяся часть (*K'wyd-*) представляет собой закономерный рефлекс самоназвания скифов **skuda-* (или **škuda-*). Таким образом, топоним *K'wydar* в архаизирующем переводе означает * «Скифская (земля/область)» [ДЗИЦКОЙТЫ 1990].

Как видим, развитие **sk->k'*- на осетинской почве подтверждается немногочисленными, но вполне надежными примерами. Несмотря на кажущуюся поддержку со стороны других восточноиранских языков (ср. выше ишк. *kuf-* из **skaip-*), рассматриваемая эволюция в осетинском вряд ли восходит к эпохе восточноиранского единства.

2. Иранская *p в осетинском

Древнеиранская *p в осетинском почти во всех позициях перешла в *f*, а внутри слова – также в *v* [АБАЕВ ИТ, II: 325]. Считается, что этот переход практически не знает исключений, поэтому фонема *p* в составе современной осетинской лексики (за исключением геминаты *pp*) является верным указателем на заимствованный характер данной лексемы. Имеются, однако, исключения и из этого правила.

Так, обсуждая этимологию слова *rixsa* «лыко», восходящего к др.-иран. **puxti-*, В. И. Абаев говорит об «идеофоническом» сохранении *p* в осетинском [АБАЕВ ИЭС, II: 244]. Нам представляется, что древнеиранская *p в осетинском сохраняется без изменения еще и в словах с экспрессивным и деминутивным значением.

Осет. *pillon/pel(l)on* «бурный, сильный» (об огне, пламени) не имеет удовлетворительной этимологии [АБАЕВ ИЭС, II: 241]. Компонент *-on* в этом слове – это распространенный суффикс. Корень *pill-/pel(l)-*, с учетом указанной фонетической возможности, закономерно восстанавливается в виде **pağ-ya-*, подобно тому, как осет. *mid/med* восстанавливается в **mad-ya-*, а *innæ-* в **<anya-* и т.п. Группа **ry* в осетинском закономерно отражается в виде *l(l)*. Восстановленный корень **par-* трудно отделить от славянского **pol-*, наличного в русских словах «полымя (из

¹ Русск. *скепать* «расщеплять, колоть» вместе с другими соответствиями на славянской почве возводят к праслав. **skoip-* [ФАСМЕР, III: 638].

² Подробно об этом суффиксе см. в нашей статье [ДЗИЦКОЙТЫ 1997].

**pol-men-*), полено, палить, пепел», а также – в заимствованном через церковнославянское посредство слове «пламя». Сюда же относятся болг. *пламен*, чеш. *plamen*, литов. *pelenai* «зола», латыш. *pēlni* «зола», др.-прусск. *pelanno*, литов. *pelėnė* «очаг» и пр. [ФАСМЕР, III: 273, 192-193, 234, 308].

Как известно, индоевропейские **a*, **e*, **o* в индоиранских языках совпали в одном **a*, а индоевропейские **l* и **r* – в одном **r*. Поэтому соответствие праславянского **pol-* праосетинскому **par-* закономерно.

Осетинское *pillon* и русское *польмя* тождественны не только этимологически, но и по своей специфической семантике – оба слова означают интенсивную, бурную разновидность огня. Это хорошо видно из русской поговорки *из огня да в польмя*. Такая же семантика и у слова *пламенный* – «сильно и ярко пылающий», «очень пылкий, страстный, сильный» (Ожегов). Употребленные здесь эпитеты «очень» и «сильно» указывают на экспрессивный оттенок рассматриваемого слова, и этот факт хорошо объясняет причину сохранения старой **p* в родственном ему осетинском слове³.

Осет. *pysul(tæ)* «одежда, платье» не имеет надежной этимологии [АБАЕВ ИЭС, II: 246-247]. Конечный *ul* – это непродуктивный деминутивный суффикс (см. выше о суффиксе *il*). Следовательно, в прошлом слово в целом могло осознаваться как уменьшительно-ласкательное, и первоначально применялось, видимо, только к детской одежде, что хорошо объясняет причину сохранения в нем старого **p*. Корень *pus* закономерно восстанавливается в виде **pus-* и сопоставляется нами с н.-перс. *puš* «одевание, одежда», *pušāk* «одежда, платье», *pušidan* «надевать (на себя); носить (одежду)» [РУБИНЧИК, I: 314, 315], таджик. *pušidan* «покрывать», ваханским (из таджик.) *pušida* «одетый, покрытый», *pušok* «одежда», афган. (из перс.) *pošak* «одежда, платье» и пр. Осетинское слово можно было бы признать заимствованием из персидского, однако против этого говорит наличие в нем непродуктивного исконно осетинского суффикса *ul*.

Осет. *piso* «детка, крошка (о ребенке)», «котенок», *pisotæ kænyn* «поглаживать (по голове ребенка/по шерсти котенка)» – слово из детской речи, используемое обычно при обращении к ребенку или котенку. Этого слова нет в осетинских словарях. Мы сопоставляем его с ваханским

³ Омонимичное осетинское *pillon* «силач, богатырь», с которым В. И. Абаев предположительно связывает происхождение рассмотренного нами слова [АБАЕВ ИЭС, II: 241], несомненно заимствовано из какого-то тюркского языка [там же: 240]. Отсюда же, на наш взгляд, идет русское *пелун* «насмешливое прозвище слишком толстых людей», этимология которого считается неясной [ФАСМЕР, 111:230].

pic(ə́k)//pis(ə́k) «малюсенький, крошечный». Ваханское слово возводят к др.-иран. **putyā* (и.-е. *pūt-* «маленький») [ПАХАЛИНА 1975: 233; ПАХАЛИНА 1987: 417]. Из **putyā* осетинском ожидали бы **рус*. Ср. осет. мужское имя *Русу́кк*, где элемент *укк* – это деминутивный суффикс.

Как явствует из приведенного материала, древнеиранская **р* в определенных случаях сохранялась в осетинском без перехода в *ф*.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- АБАЕВ 1949 – АБАЕВ В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.
АБАЕВ ИТ – АБАЕВ В.И. Избранные труды. Т. П. Владик., 1995.
АБАЕВ ИЭС – АБАЕВ В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. ИМИ. М.-Л., 1958-1973-1979.
ДЗИЦКОЙТЫ 1990 – ДЗИЦКОЙТЫ Ю. О происхождении топонима *Къуы-дар*//«Фидиуаг», N 8. С. 87-90 (на осет. яз.).
ДЗИЦКОЙТЫ 1997 – ДЗИЦКОЙТЫ Ю. Суффиксы *ар* и *ар* в осетинском языке// «Фидиуаг», N 6. С. 122-130 (на осет. яз.).
ИСАЕВ 1987 – ИСАЕВ М. И. Осетинский язык// Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М. С. 537-643.
МИЛЛЕР ОЭ – МИЛЛЕР В.Ф. Осетинские этюды. Ч. П. М., 1882.
МИЛЛЕР 1962 – МИЛЛЕР В.[Ф.] Язык осетин. М.-Л.
ПАХАЛИНА 1975 – ПОХАЛИНА Т. Н. Ваханский язык. М.
ПАХАЛИНА 1983 – ПАХАЛИНА Т.Н. Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М.
ПАХАЛИНА 1987 – ПАХАЛИНА Т.Н. Ваханский язык// Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М.
РУБИНЧИК, I – Персидско-русский словарь. Под редакцией Ю. А. Рубинчика. Т. I. М., 1985.
ТЕДЕЕВА 1983 – ТЕДЕЕВА О.Г. Очерки по грузино-осетинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси (на груз. яз.).
ФАСМЕР, III – ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.
ЭДЕЛЬМАН 1986 – ЭДЕЛЬМАН Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М.
ЭДЕЛЬМАН 1987 – ЭДЕЛЬМАН Д.И. Шугнано-рушанская языковая группа// Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М.

ЭДЕЛЬМАН 1990 – ЭДЕЛЬМАН Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология, элементы синтаксиса. М.

BAILEY 1919 – BAILEY H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge.

BAILEY 1980 – BAILEY H.W. Ossetic (Nartä)// Traditions of Heroic and Epic Poetry. London.

BIELMEIER 1977 – BIELMEIER R. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main/ Bern/ Las Vegas.

THORDARSON 1989 – THORDARSON F. Ossetic // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden.

DZITSTSOITI Y.A.

TWO SKETCHES ON HISTORICAL PHONETICS OF THE OSSETIAN LANGUAGE

SUMMARY

1. The Old Iranian cluster **sk* is rendered in ossetian, as a rule, as *sk'* where *k'* is an ejective phoneme, borrowed from Caucasian languages. As was supposed by V.I. Abaev, when in initial position, cluster **sk-* may be reflected in ossetian not only as *sk'*-, but also as *kK* This supposition may be confirmed by additional examples: osset. *k'wymbil* 'wool' goes back to O.-I. **skumb-* (+suffix); osset. *č'ep* (from **k'ep*) 'cut off' goes back to O.-I. **skaip-*; osset. *K'wydar* 'South Ossetia' goes back to self name of Scythians **skuda-* (+suffix).

2. The O.-I. Phoneme **p* is rendered in ossetian as *fv* nearly in every position. As it was established by V. I. Abaev, in ossetian ideophones the O.-I. **p* remains as *p* without changing into *fv*. It was established in the present article, that O.-I. **p* remains also in expressive words (osset. *pillon/pellon*, *pysul*, *piso*).